

УДК 94 (476) «18/19» (043.3) + 719:061.1 (476) (043.3)

К истории Гомельского музея

Н. Е. КЛЕПИКОВ

Современное толкование понятия «памятники истории и культуры» необычайно широко и многопланово. Это понятие распространяется на сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, на произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, художественную или иную культурную ценность. Бережное отношение к памятникам старины, глубокое их изучение, позволяющее дать правдивую оценку многим сложным явлениям культуры, есть по сути, одна из важнейших составных частей жизни общества. Каждый человек является своеобразным носителем прошлого, сохраняющим национальный характер и национальную память. Ведь он – частичка общества и его истории. Не сохраняя в самом себе память прошлого, человек губит свою личность. А если таким беспамятством заболевает всё общество, то оно обрекает себя на гибель. Поэтому возвращение к людям всех сведений о памятниках старины – настоятельная необходимость.

Проведение данного исследования связано с тем, что освещение истории создания системы центральных и местных органов охраны памятников старины является составной частью в изучении государственной политики в области культуры в целом, в анализе историко-культурных проблем. В данном случае проблема выявления и охраны белорусских памятников истории и культуры выступает как объект исследования. При написании статьи использовались архивные материалы, которые впервые вводятся в научный оборот, сборники документов, периодические, статистические и энциклопедические издания, а также исследования по истории Беларуси.

Гомельский дворцово-парковый ансамбль возник на высоком берегу реки Сож у слияния с ручьём Гомеюк на территории древнего городища. Археологические находки свидетельствуют о том, что в этом месте находилось славянское поселение в конце первого тысячелетия нашей эры [1, с. 40]. По версиям некоторых исследователей в основе названия города (летописный Гомий, Гомин, Гомь, Гомье) лежит древнеславянское слово «гом» в значении «возвышенное место над низиной, взгорок». В XVIII в. здесь находился хорошо укрепленный замок с дворцом гомельского старосты князя Н. Чарторыйского. Окружающее его поселение в то время являлось местечком «в 5.000 душ» Рогачёвской провинции. В 1772 году Екатерина II подарила Гомель русскому полководцу и государственному деятелю, генерал-фельдмаршалу, герою русско-турецкой войны графу П. А. Румянцеву-Задунайскому, который уже в 1777 г. приказал построить здесь новый дворец. Управляющий помещьем В. Карпов проявил выдающиеся способности, и вот, на высокой речной террасе вскоре появилось роскошное архитектурное творение в стиле классицизма, уникальное по своей художественной ценности. Это был один из первых образцов палладианского направления не только в Беларуси, но и в России [2, с. 22].

Позднее, при графе Н. П. Румянцеве к дворцу были пристроены боковые павильоны, флигели и галереи в виде 12-пролётных ионических колоннад. В новых постройках разместили большую библиотеку, различные коллекции памятников старины и картинную галерею. Со временем, дворец превратился в своеобразный музейный центр, причём, довольно значительный в Российской империи. Дело в том, что в те годы в обществе, с пробуждением национального сознания, начал укрепляться интерес к прошлому, к памятникам истории и культуры. Процесс выявления и изучения этих памятников поднимался на качественно новую ступень и приобретал научную основу. В этом деле большую роль сыграл Румянцевский

кружок, названный так по имени его основателя – канцлера Николая Петровича Румянцева (1754–1826). Выдающийся государственный деятель Российской империи, Н. П. Румянцев окружил себя талантливыми учёными и исследователями. Поиски в архивах, этнографические экспедиции, археологические раскопки, осуществлённые членами кружка, способствовали созданию музея древностей и изданию научных книг. О себе граф писал: «Чувствую, что страсть к древностям меня совершенно охватила и в преклонных летах моих всё прочее затемняет...» [3, с. 60]. Именно тогда, в западных районах Российской империи, прежде всего в Гомеле, образовался один из центров Румянцевского кружка. Главным помощником Н. П. Румянцева в Беларуси являлся священник гомельского поместья И. И. Григорович, который серьёзно занимался изучением истории белорусского края. Обнаруженные им редкие архивные материалы были опубликованы уже в 1824 году. В поисках архивных памятников И. И. Григоровичу помогали архимандрит И. Шулакевич, архивариус греко-униатской полоцкой духовной консистории Кунцевич, смотритель полоцких уездных училищ А. М. Дорошкевич, служащий полоцкого уездного казначейства И. Сыщанко, переводчик могилёвского магистратского суда Н. Г. Горатынский. Помощниками Н. П. Румянцева были также многие преподаватели Виленского университета – профессор российской словесности И. Н. Лобойко, профессор права И. Н. Данилович, историк И. Лелевель.

Экспедиции членов Румянцевского кружка в западных губерниях приобретали в тот период особое значение. По своим масштабам и организации проведения они ни с чем не были сравнимы. Поиски на западе империи архивных памятников для издания «Собрания государственных грамот и договоров» привели к открытию интереснейших материалов, которые в большей своей части относились к истории Беларуси. Оценивая проделанную работу, И. И. Григорович в письме своему брату с гордостью писал: «...и наша Белоруссия не совсем исчезнет с лица земли» [4, с. 105]. По приблизительным подсчётам В. П. Козлова, члены Румянцевского кружка осмотрели более 130 государственных, церковных, частных архивов, библиотек и коллекций, значительная часть которых находилась в Беларуси. Впервые было проведено необычайно широкое обследование хранилищ древностей и найдено много уникальных памятников старины. Постепенно дворец в Гомеле стал крупным музейным центром. Н. П. Румянцев собрал воедино ценные рукописи, этнографические, археологические, нумизматические коллекции и богатую библиотеку. В дальнейшем они стали основой знаменитого Румянцевского музея и публичной библиотеки в Москве.

В 1834 г. гомельское имение было заложено в казну, а чуть позже, император Николай I подарил его князю И. Ф. Паскевичу за блестящие победы в войне с Турцией. Дворец сначала реставрировали, а затем к нему была пристроена трёхэтажная башня. Составной частью дворцового ансамбля стала и часовня-усыпальница князей Паскевичей, построенная академиком архитектуры Червинским. В течение нескольких поколений формировался облик монументального дворца, имевшего огромное градостроительное значение для самого Гомеля. Поражал красотой и замечательный парк, о котором А. К. Киркор писал: «Вообще, такого великолепия и богатства, особенно по отношению к садам и паркам, в имении частного человека нет в целой Белоруссии, да немного подобных и в целой России». Он же утверждал, что «собрание редких достопримечательностей, дорогие подарки царствующих лиц, богатое собрание разных предметов изящных искусств, делают гомельский замок настоящим историко-археологическим музеем» [5, с. 427]. И действительно, генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич (1782–1856), граф Эриванский, светлейший князь Варшавский был увлечён историческими памятниками и символикой. Он начал собирать собственную коллекцию произведений искусства, что вновь превратило дворец в настоящий музей. Как и во времена Румянцевых, его посещали государи и видные политические деятели.

Но наступил XX век – началась первая мировая война, затем пришла революция. Осенью 1917 г. народный комиссар просвещения А. В. Луначарский предпринял попытки создания при Наркомпросе нового органа управления, в ведении которого находились бы музеи всей республики [6, с. 65]. Необходимо отметить, что А. В. Луначарского, среди прочего, интересовали вопросы сохранения памятников истории белорусского народа. Это подтверждается

письмом наркома просвещения в Гомельский Совдеп от 13 ноября 1917 г., в котором он обратил внимание депутатов на то, что они занимают здание необычайно ценное «в художественном и историческом отношении» – дворец князей Паскевичей. Народный комиссар просил депутатов сделать всё для того, чтобы сам дворец и многочисленные произведения искусства, находящиеся в нём, были сохранены [7, с. 41].

В феврале 1919 года на одном из первых заседаний коллегии Народного комиссариата просвещения Беларуси рассматривался вопрос об охране ценностей старинных замков в прифронтовой полосе. Столь пристальное внимание к этому вопросу было отнюдь не случайным. Замки и дворцы являлись своеобразными музеями, в которых хранились многочисленные памятники древности и произведения искусства, как, например, замок в Несвиже. Нельзя забывать, что фронт в то время находился рядом. Поэтому коллегия приняла решение командировать своего уполномоченного Л. Н. Замкова для осмотра коллекций и принятия мер по охране Несвижского замка [8]. Кроме осмотра исторических памятников в Несвиже, Л. Н. Замкову было поручено обследовать на территории Минской губернии все музеи, собрания культурных ценностей, библиотеки и принять меры к их охране «во избежание расхищения в дальнейшем» [9, с. 247].

В это же время в Витебской губернии действовал местный подотдел Наркомпроса, а в Могилёвской губернии находился эмиссар Всероссийского отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины В. В. Пашуканис [10]. Ему был поручен осмотр коллекций, выявление предметов музейного значения и создание научных описей художественно-исторической собственности в бывших поместьях и усадьбах, а также собственности бывших полковых военно-исторических музеев. Ряд предметов, которые имели особую художественную ценность, В. В. Пашуканису поручалось вывезти в Москву. Осмотрев Могилёв, он отправился в Гомель, где 24 марта вспыхнуло стрелкопытовское антибольшевистское восстание. Во дворце Паскевичей возник пожар, во время которого в огне погибло много картин, замечательные хрустальные люстры, обои из теснёной кожи, различные старинные вещи. После подавления этого восстания все сохранившиеся художественные «изделия из благородных металлов» по распоряжению В. В. Пашуканиса были вывезены в Москву – кубки из серебра, табакерки, часы, подносы, блюда с золотыми медальонами, вазы, чаши и многое другое (всего около ста пудов!) [11, с. 42].

В конце апреля 1919 г. Гомель вошел в состав РСФСР и стал центром губернии. Но уже в 1926 г., согласно постановлению ВЦИК от 6 декабря, Гомельский и Речицкий уезды были присоединены к территории БССР. Необходимо отметить, что до 1926 г. на данной территории, согласно существующему российскому законодательству, проводилась работа по охране культурно-исторического наследия. В этом плане одним из последних явилось постановление Гомельского губернского исполкома, принятое в июне 1926 г., об охране и учёте памятников искусства, старины, быта и природы. Согласно постановлению, без разрешения Главнауки РСФСР запрещалась переделка, ремонт и слом памятников, зарегистрированных в отделе по делам музеев, а также запрещалась раскопка археологических памятников. Все бесхозные предметы старины и искусства, древние орудия производства, старинное оружие и клады должны были сдаваться в губернский музей, который был открыт во дворце Паскевичей ещё в ноябре 1919 г. и назван именем Луначарского. Предполагалась обязательная регистрация в отделе народного образования любого имущества, имеющего музейное значение. Нарушение данного постановления должно было караться по статьям 99, 102 и 107 Уголовного кодекса РСФСР [12].

К сожалению, в Гомельской губернии не существовало ни подотдела Главмузея РСФСР, ни секции Губполитпросвета по охране памятников старины и искусства, как это было во многих других российских губерниях. Это, конечно же, осложняло процесс выявления, учёта и охраны памятников. Все мероприятия приходилось проводить сотрудникам губернского музея, но дополнительных средств музею не выделялось. Поэтому за период 1925/1926 гг. было лишь отпечатано специальное объявление об охране памятников в количестве 2.000 экземпляров, разосланное по губернии для оповещения населения. И ещё, как

указывалось в годовом отчете директора музея М. Попова, «дабы выявить эти памятники, с одной стороны, а с другой – для привлечения школ к охране их, а также для собирания сведений о памятниках археологии, Музеем отпечатаны и разосланы соответствующие обращения и анкеты сельским школам» [13].

После присоединения к Беларуси этих территорий и образования Гомельского округа БССР здесь побывал директор Белгосмузея П. В. Харлампович. Он обследовал музей им. Лунначарского и сделал доклад, в котором указал на необходимость составления общего музейного каталога. Наряду с деловыми замечаниями, в докладе была отдана дань времени. Следуя соответствующим идеологическим установкам, П. В. Харлампович потребовал организовать «выставку Отдела Революции», предварительно освободив от всех предметов дворцовую библиотеку. Он указал на необходимость организации краеведческого музея в окружном масштабе, для чего рекомендовал использовать первый этаж башни, убрав «предметы, имеющие связь с именем бывшего владельца дворца» [14]. Но ведь дворец стал крупнейшим музейным центром уже при жизни первых его хозяев графов Румянцевых и князей Паскевичей.

Гомельский дворцово-парковый комплекс вместе с исторической частью города являлся единственным в Беларуси цельным ансамблем и наиболее замечательным памятником эпохи русского классицизма, что налагало особую ответственность при его сохранении и эксплуатации. Судя по всему, директор музея М. Попов это понимал. Он неоднократно обращался в различные инстанции, пытаясь доказать необходимость сохранения всего ансамбля в целостности. Оснований для тревог было достаточно, ведь на этой территории «хозяйничали» 8 учреждений, причём, каждое самостоятельно, не считаясь ни с требованием сохранения парка, ни с требованием охраны всех зданий и их оборудования. В главном корпусе ещё до революции существовало несколько систем отопления, однако часть из них к этому времени уже была выведена из строя. Следствием этого стало распространение сырости по всему дворцу. Боковые корпуса из-за большой хозяйственной нагрузки различных учреждений приходили в упадок. Нескончаемые ремонты канализации и водопроводной сети ухудшали состояние сложного фундамента главного здания. Кроме учреждений во дворце находилось много квартир частных граждан, устраивающих на территории парка огороды и делающих из деревьев изгороди. Берега реки Сож заваливались мусором и отбросами, поэтому парк начинал приходиться в запустение. Всё это очень беспокоило директора музея. Он попытался исправить положение, обращаясь к местным властям за помощью. Сохранилось письмо, написанное М. Поповым 13 сентября 1927 г. в Гомельский исполнительный окружной комитет, в котором он подробно описал плачевное состояние дворцово-паркового ансамбля. Директор музея пытался объяснить, что дворец и парк являются уникальными памятниками и подлежат охране государством. Он просил объявить весь ансамбль республиканским достоянием и «закрепить его за музеем» [15]. Долго решался этот вопрос, но и когда решился, не изменил положения, так как была лишь выдана охранная грамота.

Подобные грамоты утверждались Совнаркомом Беларуси по предварительному согласованию с комиссией по охране памятников Инбелкульту. Институт белорусской культуры, в свою очередь, получал такие сведения (списки памятников старины, подлежащих охране) непосредственно от местных исполкомов, **обязанных** это сделать, в соответствии с директивным письмом № 2124/9. К примеру, 8 апреля 1927 г. Бобруйский окружной исполком направил в Инбелкульт письмо, в котором сообщил, что им «взят под охрану парк и имущество при Красно-Бережском с/х техникуме» и просил выдать охранную грамоту на имя директора техникума [16]. Дело в том, что техникум размещался на территории прекрасного дворцово-паркового ансамбля. Усадьба была построена в 1890–1893 гг. по проекту архитектора К. Шретера с использованием архитектурных форм неоготики. Пейзажный парк являлся составной частью большой усадьбы. Этот природно-архитектурный комплекс был одним из лучших ансамблей, выражающих характерные черты эклектики [17, с. 191]. К сожалению, усадьбе в то время организовали техникум, что, безусловно, негативно отразилось на состоянии памятника. Бобруйский исполком попросил также выдать грамоту для охраны «парка и здания б. Двора в сельхозхозяйстве Жиличах», имея в виду резиденцию богатейшег

шляхтича, бобруйского предводителя дворянства Булгака [18]. Центром Жиличской композиции являлся дворец, построенный в стиле позднего классицизма по проекту известного архитектора К. И. Подчашинского. Его окружал пейзажный парк периода романтизма. Жиличский дворцово-парковый комплекс считали одним из лучших памятников Беларуси первой половины XIX века. К сожалению, в нём так же, как и в Красном Береге, организовали сельхозтехникум.

Аналогичные письма с перечнем памятников, на которые необходимо было подготовить охранные грамоты, поступили в Инбелкульт от Слуцкого, Борисовского, Оршанского и других исполнительных комитетов [19]. Как показывают многочисленные примеры, хозяйственное использование этих уникальных памятников крайне негативно отразилось на их состоянии, что позволяет сделать вывод о неэффективности такой формы охраны памятников, как охранные грамоты. Положительным было лишь то, что в Инбелкульт отовсюду поступали сведения о наличии тех или иных памятников истории и культуры, что расширяло возможности учёта и составления единого свода.

После присоединения к Беларуси Гомельского и Речицкого уездов Наркомат просвещения БССР направил директору музея им. Луначарского официальный запрос о вывезенных в Россию музейных экспонатах. Это было сделано в связи с тем, что в Беларуси начали проводить работу по возвращению вывезенных ценностей. Никаких точных сведений М. Попов не сообщил, но необходимо принять во внимание тот факт, что он заведовал музеем лишь с августа 1924 года. Директор музея мог не знать, что ещё в 1919 г. эмиссар Всероссийского отдела по делам музеев В. В. Пашуканис вывез в Москву около ста пудов художественных ценностей [20].

Для того, чтобы более отчётливо представить себе трудности того времени, с которыми приходилось сталкиваться работникам Наркомпроса при сохранении памятников старины, необходимо почувствовать общую атмосферу, царившую в стране. Ведь это всё оказывало огромное влияние на деятельность работников культуры. Политические кампании того времени (индустриализация, коллективизация, культурная революция) проводились в условиях демонтажа НЭПа и установления режима личной власти Сталина. «Индустриализация» требовала постоянных жертв, поэтому в тяжёлую промышленность переливались средства не только из сельского хозяйства, но и из лёгкой промышленности, которые и так держались «на голодном пайке». Превышение ввоза товаров из-за границы над вывозом приводило к сокращению запасов валюты. Очень тяжело было отыскать средства для оплаты зарубежных закупок, которые в годы первой пятилетки были весьма значительны. Исследователь Д. Боффа в своей книге «История Советского Союза» пишет: «Для оплаты зарубежных счетов продавались даже художественные произведения из музеев» [21, с. 341].

По инициативе руководства Всероссийского отдела по делам музеев и охране памятников старины и искусства, 6 марта 1924 г. Совнарком СССР принял постановление «О выделении и реализации госфондового имущества». Отныне музеи могли продавать имущество, находящееся в усадьбах и дворцах. При этом устанавливалось, что 40 % выручки от продажи пойдёт в доход государства [22, с. 86]. Начался процесс распродажи музейных экспонатов. В открытую продажу (за рубли) шли действительно не представлявшие большой ценности вещи. А настоящие памятники старины из запасников, имеющие огромную художественную ценность, предназначались для продажи за валюту иностранным гражданам. Местом таких коммерческих операций стали магазины экспортно-импортного объединения «Антиквариат» при Наркомате внешней торговли СССР. Культурная революция, по сути сведённая в то время к ликвидации неграмотности, функционально подчинялась целям индустриализации. Именно на это ориентировал работников просвещения председатель ВСНХ СССР В. В. Куйбышев, выступая 26 сентября 1927 г. на I Всесоюзном совещании по профессионально-техническому образованию. Он обвинил Наркомпрос в неправильной ориентации и призвал сотрудников комиссариата просвещения сосредоточить все усилия на подготовке кадров в соответствии с темпом развития промышленности. В. В. Куйбышев заявлял: «Промышленности должно быть твёрдо обеспечено фактическое, а не формальное влияние на

систему народного образования» [23, с. 106]. На II сессии ЦИК СССР IV созыва, состоявшейся в Ленинграде 15–20 октября 1927 г., в постановлении по докладу А. В. Луначарского «Об итогах культурного строительства Союза ССР за десять лет» прямо указывалось на необходимость «увязки» дела культурного строительства с задачами индустриализации страны [24, с. 278]. Этот процесс в значительной степени повлиял на деятельность подразделений Наркомпроса и Академии наук и негативно отразился на работе музейных и краеведческих организаций. Если в начале развёртывания краеведческого движения (1923–1924 гг.) одной из главных его целей было изучение и охрана культурно-исторического наследия для широкого просвещения, то уже немного позднее в журнале «Наш край» на первое место в краеведении выступили задачи изучения народного хозяйства [25, с. 4].

В те годы был принят ряд постановлений, направленных на перестройку всего музейного дела. Произошёл кардинальный поворот музейной политики. Были объявлены конкурсы среди музеев на лучшее изучение колхозного и совхозного строительства, на лучший показ роста промышленности и создание экспозиций «на базе диалектического материализма». Главной задачей всех этих мероприятий являлось изменение работы музеев с основной целью – пропагандировать планы и достижения социалистического строительства. Во всех музеях ликвидировались отделы церковной старины; этнографические материалы группировались как иллюстрация к теме «старая деревня», а рядом, по контрасту, устраивались экспозиции о первых колхозах; из художественных отделов исключались произведения, заподозренные в излишней «аристократичности смысла», несозвучной эпохе; при музеях специально создавались отделы промышленности.

Меж тем, экспорт музейных ценностей, начавшийся в 1922 г., постепенно набирал силу и становился всё более важным элементом внешнеэкономических операций. Наконец, 23 января 1928 г. заместитель председателя СНК СССР Я. Рудзутак подписал секретное постановление «О мерах к усилению экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства» [26, с. 83, 84]. Судьбу музейных ценностей решали уже не профессионалы искусствоведы, а решали её люди, весьма далёкие от насущных проблем сохранения и изучения памятников старины. Первенствующая роль теперь отводилась уполномоченному Наркомторга СССР А. М. Гинзбургу, который являлся директором-распорядителем объединения по экспорту и импорту антикварно-художественных вещей «Антиквариат».

Ещё весной 1928 г. в прессе развернулась кампания, направленная против музейных работников. Даже из заголовков многочисленных газетных статей явствовало, что в музеях «засели» жулики и вредители, продающие за бесценок иностранцам национальное достояние. Смысл этих статей сводился к тому, что исключительно по вине Наркомпроса, Главнауки и музеев продавались за рубеж произведения искусства и старины. Для чего подогревалось общественное мнение? Почему всё это делалось? Да потому, что предстояли большие «чистки» музейных фондов.

О предстоящих огромных разграблениях музейных фондов знал нарком просвещения А. В. Луначарский. В конце сентября он встретился с наркомом внешней торговли СССР А. И. Микояном и настоял на немедленном утверждении «Списка предметов старины и искусства, не разрешаемых к вывозу за границу». В тринадцати параграфах этого документа чётко определялось то, что может вывозиться за границу в качестве экспортного товара, а что представляет собой национальное достояние и, соответственно, вывозу не подлежит. Это была последняя попытка Наркомпроса остановить процесс крупнейшей распродажи памятников истории и культуры. А. И. Микоян подписал документ, но чуть позже сделал приписку, гласившую: «Настоящий список запрещенных к вывозу предметов старины и искусства не распространяется на главную контору Госторга РСФСР по скупке и реализации антиквариата, которой предоставлено монопольное право экспорта предметов старины и искусства по лицензии органов Наркомторга». Приведённая цитата перечеркнула весь документ. С А. В. Луначарским можно было уже не считаться, так как дни его на посту наркома просвещения были сочтены [27, с. 103]. В 1929 г. его удалили из Наркомпроса.

На первом этапе музеям просто доводился план поставок на экспорт музейных

ценностей, но при этом, правда, предметы на продажу предлагалось отбирать самим сотрудникам музеев. Естественно, они пытались отстоять лучшее даже в тех условиях начинавшихся «политических чисток». Так, директор Белгосмузея В. Ю. Ластовский на требовательное письмо Госторгбела, в котором речь шла о подготовке к продаже партии икон, согласился их выделить из запасников, но только действительно те, «которые не имеют музейной ценности» [28]. Однако осенью 1928 г. сотрудники Госторгбела самостоятельно описали и опломбировали в Гомельском музее гобелены XVIII в., которые имели для Беларуси не только музейное, но и просто уникальное значение. В. Ю. Ластовский срочно обратился в Наркомпрос с просьбой о снятии пломб и передаче гобеленов в государственный музей. Он просил обязать Госторгбел производить вывоз предметов старины только после экспертизы музея и визы его сотрудников [29]. Но на подобные требования никто уже не обращал внимания. Роль эксперта брал на себя Наркомат торговли. Любые выступления работников Наркомпроса и Академии наук БССР против экспорта памятников истории и культуры не только не устраивали, но и раздражали «партийную элиту». Сразу же обнаруживалась «политическая незрелость» всех причастных к музейному делу, к охране культурно-исторического наследия. Знаменитая фраза «кадры решают всё» имела тогда зловещий смысл. Именно в те годы начали появляться в музеях руководители, не имевшие ничего общего с искусством и весьма далекие от идей сохранения памятников истории и культуры. Это были послушные исполнители, претворяющие в жизнь все решения партийного и государственного руководства. К примеру, председатель Гомельского окружного исполкома П. Д. Малокович направил в Наркомпрос письмо, в котором предложил нового кандидата на пост директора музея, причём, в требовательной форме. Он сообщил, что его протеже «тов. Антонов, хотя и не имеет соответствующей научной подготовки, всё же соответствует своему назначению в должности заведывающего музеем им. Луначарского» [30].

В одной из передовиц газеты «Савецкая Беларусь» были такие строки: «Рабочыя масы сваім акты ным удзелам... дапамогуць перанесці свой кашто ны вопыт з прадпрыемства у правядзеньне вытворчых манэ ра на культурным фронце» [31, с. 1]. Новые люди, так называемые «выдвиженцы», стали самой динамичной и существенной частью советских учреждений. Они являлись представителями глубинных народных слоёв, среди которых было много рабочих, немало крестьян. Процесс «выдвижения» проходил на фоне таких социальных явлений, как ограниченность культурного развития и крайняя ожесточённость происходивших конфликтов, преобладание централизаторских и авторитарных установок. По мнению Дж. Боффа, «выдвижение» не являлось новым классом, а выглядело «как очередной массовый выход на поверхность творческих потенций из глубин плебейских, простонародных масс...» [32, с. 383]. И такие люди приходили к руководству повсюду. Не являлись исключением и организации, занимающиеся охраной памятников истории и культуры.

В 20-х – начале 30-х гг. XX столетия в Беларуси, как и во всей стране, была проведена крупномасштабная операция по распродаже музейных ценностей, уникальных памятников культуры и истории, являвшихся национальным достоянием народа [33, с. 39]. И в этом контексте конкретный и издевательский смысл приобретают рассуждения И.В.Сталина о советской торговле: «Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем мы, большевики, в условиях советского развития» [34, с. 390]. Действительно, торговли национальными памятниками культуры история ещё не знала.

Попытки работников Народного комиссариата просвещения остановить процесс распродажи музейных ценностей и разрушения памятников истории и культуры успеха не имели. Любые выступления представителей интеллигенции пресекались, ведь всё более существенную роль среди методов политического руководства начали играть незаконные репрессии. В Беларуси такие «гонения» проходили под видом борьбы с национал-демократами. Наиболее сильному прессингу подверглись работники Наркомпроса и Академии наук. Подавляющее большинство тех, кто непосредственно был связан с возрождением культуры, искусства и науки белорусского народа, с охраной его культурно-исторического наследия, были в тот период объявлены «нацдемами», «врагами народа» и репрессированы.

Abstract. The problem of preserving Belarusian monuments of history and culture is the object of study in the paper. It is based on the new archive materials that have never been used before.

Літаратура

1. Літвіна , У. Старажытны Гомель / У. Літвіна , А. Макушніка // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1984. – № 4. – С. 40–41.
2. Морозов, В. Ф. Архитектура Гомеля начала XIX в. / В. Ф. Морозов // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1979. – № 4. – С. 22–24.
3. Клепика , М. Румянца скі гурток і ахова помніка гісторыі і культуры ў Беларусі / М. Клепика // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 1. – С. 60–66.
4. Козлов, В. П. Колумбы российских древностей / В. П. Козлов; под ред. В. И. Буганова. – М. : Наука. – 1981. – 168 с.
5. Киркор, А. К. В Белорусском полесье / А. К. Киркор // Живописная Россия. Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значениях: в 12 т. / под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб., 1882. – Т. 3: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. воспроизв. – 2-е изд. – Минск : БелЭн, 1994. – 550 с.
6. Жуков, Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. / Ю. Н. Жуков. – М. : Наука, 1989. – 304 с.
7. Багусла скі, Г. А. 3 гісторыі аховы помніка у Беларусі / Г. А. Багусла скі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск, 1983. – № 1. – С. 41–42.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 804. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 6.
9. Жуков, Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. / Ю. Н. Жуков. – М. : Наука, 1989. – 304 с.
10. НАРБ. – Ф. 804. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 21.
11. Багусла скі, Г. А. 3 гісторыі аховы помніка у Беларусі / Г. А. Багусла скі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск, 1983. – № 1. – С. 41–42.
12. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 612. – Л. 5.
13. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 1527. – Л. 75.
14. Там же. – Д. 1927. – Л. 168.
15. Там же. – Д. 1935. – Л. 12.
16. Там же. – Д. 1926. – Л. 33.
17. Федорук, А. Т. Садово-парковое искусство Белоруссии / А. Т. Федорук. – Минск : Ураджай, 1989. – 247 с.
18. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 1926. – Л. 33.
19. Там же. – Д. 1926. – Л. 28, 29, 48.
20. Там же. – Д. 1927. – Л. 81, 84.
21. Боффа, Дж. История Советского Союза: в 2 т. / Дж. Боффа; под ред. Е. А. Амбарцумова. – М. : Междунар. отношения, 1990. – Т. I : От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941. – 1990. – 632 с.
22. Жуков, Ю. Тайна операции «Эрмитаж» / Ю. Жуков // Смена. – 1992. – № 1. – С. 80–107.
23. Куйбышев, В. В. Избранные произведения / В. В. Куйбышев. – Сост. и подг. к печати А. Я. Лысый. – М. : Госполитиздат, 1958. – 535 с.
24. Из выступления наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского на XV съезде ВКП(б) о задачах культурного строительства. 14 декабря 1927 г. / Культурное строительство в СССР, 1917–1927 гг.: (Разработка единой государственной политики в области культуры). – М.: Наука, 1989. – С. 277–280.
25. XIII-я гадавіна Кастрычніка і Краязнаўства // Наш край. – 1930. – № 9–10. – С. 4.
26. Жуков, Ю. Тайна операции «Эрмитаж» / Ю. Жуков // Смена. – 1992. – № 1. – С. 80–107.
27. Там же.

28. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 1957 – Л. 5.

29. Там же. – Д. 1939. – Л. 2.

30. Там же. – Д. 1935. – Л. 156.

31. Вытворчыя манэры дапамогуць / Савецкая Беларусь. – 1930. – № 236 (3024). – 10 кастрычніка. – С. 3.

32. Боффа, Дж. История Советского Союза: в 2 т. / Дж. Боффа; под ред. Е. А. Амбарцумова. – М. : Междунар. отношения, 1990. – Т. I : От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941. – 1990. – 632 с.

33. Клепіка, М. Я. Гандляры ў храме / М. Я. Клепіка // Беларуская мінушчына. – 1995. – № 2. – С. 38–39.

34. Сталин, И. В. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. – Изд. 11-е. – М. : Госполитиздат, 1953. – 652 с.

Белорусский государственный
университет

Поступило 16.06.09

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ